

Сергей ЮРСКИЙ

...Живут себе супруги Смит. Сидят они себе после обеда, и мадам Смит подробно вспоминает, что было сегодня на обед и кто сколько съел, и что было вчера, и кто сколько съел вчера. Часы бьют 18, потом 24, потом 41. Супруги Смит говорят и говорят — о родных, о врачах. Если не понимать языка, а слушать только интонацию, разговор как разговор, но если понять, начнешь хохотать от нелепостей, которые нарастают каскадом в рамках абсолютно бытовых форм:

«Доктор Маккензи-Кинг — очень хороший врач. Ему можно вполне доверять. Он никогда не порекомендует пациенту лекарства, прежде чем сам не испробует его на себе. Прежде чем оперировать печень Паркеру, он сперва оперировал печень себе, хотя был совершенно здоров».

«Но тогда почему же доктор остался жив, а Паркер умер?»

«Потому что ему удалась своя операция и не удалась операция Паркера».

«Тогда Маккензи нельзя назвать хорошим доктором. У хорошего доктора операция должна либо быть удачной в обоих случаях, либо обоим свести в могилу».

«Но почему?».

Это — из «Лысой певички». Ионеско восстает против мещанского отупления, когда штампы человеческого общения, привычные формы сводят к абсурду всякое содержание; когда язык и средства обмена мыслями превращаются в средства привычного сотрясения воздуха. И автор подставляет в респектабельную беседу супругов Смит и их гостей, супругов Мартен, бессмысленные слова из англо-французского разговорника:

«Я могу купить перочинный ножик для своего брата», — убежденно говорит один.

«Ходят с помощью ног, но согреваются с помощью электричества или угля», — резко возражает другой.

«Каждому своя судьба, — философски замечает третий. — Какие семь дней в неделе вы знаете?»

«Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье», — абсолютно серьезно отвечает четвертый...

Но чем отличается этот абсурд от разговорных штампов обуржуазившегося до мозга костей мещанства?..

Ионеско смеется не только над штампами жизни, но и над вековыми

штампами театра. Недаром его «Лысая певичка» имеет подзаголовок «Анти-песня». Он выдумывает нелепые, пародийно-театральные сюжетные повороты, сдвигая со зрителей привычно-спокойное желание смотреть давно известное, слышать много раз слышанное, взрывая тупую любовь мещанина к банальности...

...По книге Бояджиева «Театральный Париж» мы знали, что театр маленький и не шикарный. Но ничего подобного не представляли. Амбарные ворота, закрытые на амбарный замок. Еще за 20 минут до начала спектакля мы были единственными, кто стоял перед этим входом. Потом подошел еще один человек. Оказалось, тоже иностранец, фламандец, студент-юрист. Выяснилось, что он и понятия не имеет об Ионеско и набрел на театр случайно. В маленьком обшарпанном зале, расчитанном менее чем на 100 зрителей, собралось в результате 27 человек. Скрипящие стулья, изрезанные ножами, осыпавшаяся со стен штукатурка, малосценическая сцена с потертым занавесом.

Мы ждали начала. В такой обстановке невольно ожидаешь чуда. А вдруг сейчас... Открылся занавес. Но чуда не произошло. Спектакль уже заиграй. Смелились многие актеры. Быстро, поверхностно была сыграна «Лысая певичка». Было несколько интересных моментов, был один тонкий актер, но в целом формальное исполнение сложилось с формальным построением пьесы и убило ее юмор, ее удивительные неожиданности. В антракте фламандец, говорящий по-французски, как на родном языке, спросил меня, не знаю ли я этой пьесы и не могу ли объяснить, в чем тут дело. Мне было обидно за Ионеско.

Нас вознаградила вторая пьеса. Появился прекрасный актер — Мо-

Париж. На улице.

рис Кювилле (он же режиссер спектакля), и зал (27 человек) захохотал. Ионеско зазвучал. Кювилле был серьезен, доверен, а публика покатывалась от смеха, замирала от ужаса. Под стать ему были и его партнерши. Ирония, порой жестокая, нашла свое воплощение. После спектакля мы хотели подождать понравившихся нам актеров. Мы снова стояли у амбарной двери. Она резко распахнулась, и из нее стремглав выскочила исполнительница роли ученицы и помчалась вниз по улице. Только мы успели открыть рот, чтобы окликнуть ее, из двери выпрыгнул Кювилле и большими прыжками поскакал вверх по улице. Дверь захлопнулась, и на нее навесили амбарный замок. Видимо, 3.000 представлений это слишком много...

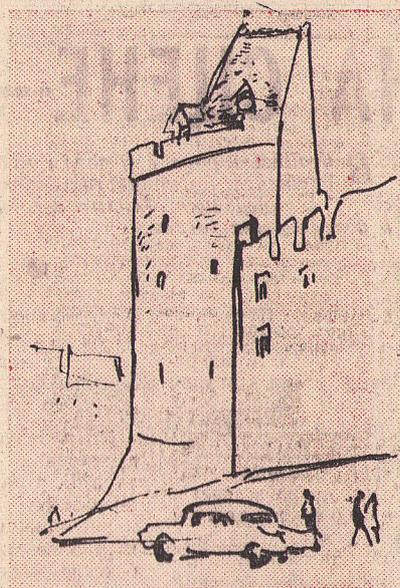
В ПОСЛЕДНИЕ годы в Англии и во Франции нарастает никогда не иссякавший интерес к русской драматургии. В Англии идет «Иванов» Чехова с Джоном Гилгудом, «Ревизор» Гоголя с Полом Скофилдом в роли Хлестакова, по телевидению был сделан «Идиот» Достоевского, еще недавно игрались «Записки сумасшедшего» Гоголя, в Париже идут «Преступление и наказание» и «Вечный муж» Достоевского, с большим успехом шла пьеса Виктора Розова «В дороге».

Уже упоминавшийся Морис Кювилле недавно поставил и сыграл «Обломов» Гончарова. И, наконец, есть целый театр, который связал свою судьбу с русской драматургией. Я говорю о парижском театре «Ателье». Его руководитель Андре Барсак отлично владеет русским языком и сам осуществляет переводы пьес и инсценировки. Некоторые его переводы, в частности одноактные пьесы Чехова, стали каноническими.

В своем театре он поставил «Месяц в деревне» Тургенева, который с большим успехом показал в Москве. В октябре он покажет премьеру «Трех сестер» Чехова с тремя сестрами Влади в главных ролях. В его планах — инсценировка и постановка «Дуэли» Чехова. В настоящее время с большим успехом идет поставленный им «Идиот» Достоевского. Я видел этот спектакль в последний день нашего пребывания в Париже.

Если в нем и есть ошибки, неточности в отношении костюмов и быта, то их можно и нужно простить. Уловлено главное — дух романа. Быстрая французская речь позволила вместить в 3 часа действия не только сюжетные сцены, но и философские монологи Мышкина. Точный, строгий замысел, точно воплощенный актерами. Скромные, с большим вкусом сделанные декорации с двумя великолепными задниками — петербургским и московским. Великолепно ритмически построенные диалоги, умение сочетать трагизм с юмором, мощная динамика действия — вот что отличает этот спектакль. Зал был переполнен, и успех был большой. Когда после спектакля мы пришли за кулисы, нас очень тронуло, что все актеры хотя бы немного, но говорят по-русски. Этот театр любит и понимает русскую драматургию...

В Париже на Монмартре, в Лондоне вдоль решетки Грин-Парка стоят

Виндзор.

художники и их творения. Здесь есть все, на любой вкус — фотографические зарисовки, кричащие абстракции, пейзажи в классической манере и силуэты из черной бумаги, миниатюры в народном духе и сложные модернистические композиции. Здесь лучше всего изучать различные направления в живописи — здесь представлены именно направления и лишь очень редко индивидуальности. Может быть, молчаливые авторы, шагающие или стоящие у своих картин, или даже рисующие их тут же, очень талантливые люди, но то, что они показывают здесь, — на продажу. На вспыхивающем порой вдохновении лежит печать спроса. Их детища ждут перехода в чужие, случайные руки прохожего туриста. Но это не так просто, не так часто.

Мы были в уличной галерее Лондона два раза с расстоянием в неделю — картины были те же. Никто ничего не купил. Ничто не изменилось. Этот своеобразный рынок в хорошую погоду выглядит довольно поэтично, в дождь и холод скорее драматично.

Мы с Зинной Шарко были еще двое из несостоявшихся покупателей. Хотели купить, подождали, трудно было выбрать в этих живых сувенирах, решили — «потом».

Слишком много откладывали мы на потом. А между тем в ежедневной работе, в массе встреч, в порядке жизни, который уже становился привычным, подкатывался финал нашей поездки. Мы не успели еще посмотреть Тауэр, не побывали на знаменитом стадионе «Уэмбли», не нашли времени увидеть два интересных фильма, названия которых мелькнули перед нами на одной из улиц, а уж Лондон кончился.

Мы не успели дождаться в метро до конечной станции «Порт де Лила» и посмотреть на места, где происходит действие фильмов Рене Клера, не успели поесте знаменитого лукового супа ночью на рынке, а уж кончился Париж.

Рисунки А. Гаричева.
Лондон — Париж — Ленинград.

(Окончание следует).

Начало см. в «Смене» от 21, 23, 26 и 27 августа.